

Къ исторіи борьбы съ пьянствомъ на Руси.

Рѣшительный ударъ пьянству въ Россіи нанесенъ въ наши дни, одновременно съ началомъ войны съ другимъ вѣковымъ врагомъ славянства—немцами. Закрытие сначала на время мобилизаций, потомъ на весь періодъ военныхъ дѣйствий казенныхъ винныхъ лавокъ и ограничение продажи вообще спиртныхъ напитковъ показали, съ одной стороны, что правительство хочетъ и властно бороться съ алкогольной отравой, а съ другой стороны—спокойствие и даже радость отъ этого шага опивавшагося до сихъ поръ русскаго народа обнаружили, что онъ можетъ обйтись безъ хмельныхъ напитковъ. Такимъ образомъ, классическое изреченіе вложенное лѣтописцемъ (или авторомъ особой повѣсти) въ устѣ кн. Владимира: „Руси есть веселье питье, не можемъ безъ того быти“, теперь потеряло свой живой смыслъ, хотя довольно вѣрно характеризовало отношеніе къ охмеляющимъ питьямъ русскихъ не только X—XII вв., но и всѣхъ послѣдующихъ, вплоть до настоящаго момента.

Издавна засвидѣтельствованную любовь славянъ вообще и русскихъ въ частности къ хмельному и некоторые ставятъ въ связь съ строемъ земской жизни и готовы даже идеализировать ее, что касается давнихъ временъ: *почетные и честные братчины, пиры и беспѣды*, на которыхъ „братски сходился человѣкъ съ человѣкомъ, сходились мужчины и женщины“, содѣйствовали тому, что „скрыпленная весельемъ и любовью, двигалась впередъ соціальная жизнь народа“, „и питейный домъ дѣлался центромъ общественной жизни извѣстнаго округа“¹⁾). Но насколько эта идеализація не со-

¹⁾ Крыжовъ, И. Г., Исторія дабаковъ въ Россіи въ связи съ исторіей русского варода. Изд. 2. Казань. Стр. 7. 10.

отвѣтствовала исторической дѣйствительности, достаточно вспомнить свидѣтельство о пьянствѣ русскихъ араба Ибнъ-Фоцлана (Х в.): „оны предаются питью вина неразумнымъ образомъ и пьютъ его цѣлые дни и ночи; часто случается, что они умираютъ съ стаканомъ въ рукѣ“¹⁾). Это—мрачное веселье и любовь—только къ вину! И подобныя картинки приходилось наблюдать чрезъ полтораста лѣтъ преп. Феодосію, хотя русскіе подверглись уже благотворному вліянію христіанства. Печерскій игуменъ видѣлъ, какъ пьяные ползали на колѣняхъ, не имѣя возможности стать на ноги, какъ валялись въ грязи и навозѣ, на посмѣяніе всѣмъ людямъ²⁾...

Можно было бы думать, что въ отношеніи къ хмельнымъ напиткамъ русскіе послѣ крещенія не измѣнились. И, дѣйствительно, есть данныя полагать, что христіанская церковь не отнеслась съ рѣшительной строгостью какъ разъ къ тѣмъ языческимъ обычаямъ, которыми сопровождалось пьянство. и даже какъ будто санкционировала ихъ. Апостолъ Россіи, святый князь Владимиръ, отличавшійся въ язычествѣ любовью къ пирамъ, сдѣлавшись христіаниномъ продолжалъ устраивать частые „почетные столы“, но въ этоѣ разъ съ благословеніемъ церковной власти, поощрявшей благотворительность, ибо въ праздники Владимиръ кормилъ не только дружину, но и нищихъ и духовенство³⁾). Добрая цѣль этихъ пировъ заставляла духовенство закрывать глаза на излишества, которымъ предавались пирующіе, въ томъ числѣ сами духовные... Не могло духовенство запретить и тѣ пиршества, которыми сопровождались похороны и поминки умершихъ у русскихъ славянъ: этоѣ языческій обычай былъ даже поддержанъ, потому что и духовенство проповѣдовывало необходимость молитвенного поминовенія усопшихъ въ нѣко-рые дни и поощряло кормленіе нищихъ, сбиравшихся на поминки, и самихъ духовныхъ, являвшихся первыми гостями на этихъ трапезахъ. Но тому же мотиву поддерживались и всякия пиршества—по случаю семейныхъ ли торжествъ или церковныхъ праздниковъ, случайно совпавшихъ съ праздни-

¹⁾ Голубинскій Е. Е., Исторія русской Церкви, I, 2, стр. 583.

²⁾ Ученые записки II отдѣленія Императорской академіи наукъ. Книга II, вып. (СПБ. 1851, 198, 199).

³⁾ Похвала Владимиру монаха лакова. -- Голубинскій, о. е., I, 1, стр. 242—243.

ками народными. Иногда приспособленіе духовенства къ народнымъ праздникамъ и обычаямъ шло такъ далеко, что оно допускало или совмѣщеніе въ одинъ день христіанского праздника съ языческимъ или употребленіе чисто языческихъ обычаевъ и обрядовъ. Изъ одного слова мы узнаемъ, что священники ради своихъ „окладовъ“ дозволяли обычай ставить во второй день Рождества Христова трапезу Роду и Рожаницамъ и освящать ее тропаремъ Богородицы. А авторъ другого слова прямо заявляетъ, что духовенство поощряло такой обычай, какъ освященіе на праздничныхъ пирахъ брашень и питій по язычески: „попове и книжницы—одни, видя дѣянія злая и слыша о нихъ, не хотять учить, другіе же и сами пріобщаются имъ, допускаютъ совершеніе помянутаго языческаго дѣйствія и ядять моленое то брашно“ ¹⁾. Если въ подобныхъ случаяхъ можно утверждать по-пустительство со стороны духовенства, то ему уже прямо принадлежала инициатива въ введеніи въ русскую жизнь чисто христіанского обычая, тоже прикрывавшаго собою любовь къ хмельному. Разумѣю пѣніе тропарей и выпиваніе каждый разъ чаши вина въ честь святыхъ на праздничныхъ трапезахъ. Этотъ греческій обычай, пересаженный на русскую почву, повелъ къ чрезмѣрному умноженію числа тропарей и—чашъ. Преп. Феодосію въ концѣ XI в. пришлось уже, борясь съ злоутребленіемъ, установить только три чаши—въ честь Иисуса Христа и Дѣвы Маріи и во здравіе государя ²⁾.

Преп. Феодосій не одинъ боролся съ народнымъ пьянствомъ, но оно все росло и росло, потому между прочимъ, что оно стало подъ защиту церкви. Мало того, что служеніе Бахусу отправлялось подъ покровомъ христіанскихъ праздниковъ и обычаевъ, оно нашло пріютъ въ самихъ церквяхъ. Для церковныхъ торжествъ, трапезъ, стало отводиться помѣщеніе въ самихъ храмахъ, въ западной части ихъ, получившей отъ того название „трапезъ“.

Приходскіе пиры, называвшіеся иначе братскими пирали

¹⁾ Лѣтописи русской литературы и древности Н. С. Тихонравова, т. IV, отд. III, 101. 89.

²⁾ Ученые записки II отдѣленія Императ. академіи наукъ, кн. II, вып 2, 197. 199.

или братчинами, несомнѣнно вели начало отъ языческихъ праздничныхъ жертвъ и поминокъ предковъ, сопровождавшихся пиршествами и тризнами¹⁾. Пріурочены они были къ большимъ или престольнымъ праздникамъ—къ Рождеству, къ Петрову или Николаю дню, отчего и назывались *петровщиной, никольщиной* и т. д. Кромѣ чисто религіознаго характера братчины имѣли значеніе моральное: онѣ были выраженіемъ приходской солидарности и любви, охватывавшей весь ли приходъ, какъ было на съверѣ Россіи, или только членовъ братства, какъ въ юго-западной Руси. Быть въ нихъ и экономической моментъ: доходы отъ сваренного пива или меда шли на нужды прихода и церкви.

Но, несмотря на столь высокія цѣли, соединявшияся съ древне-русскими братчинами, и несмотря на святость мѣста, гдѣ онѣ совершались, людская слабость допустила и здѣсь съ теченіемъ времени рядъ злоупотребленій: благочестивое питье смѣнилось безобразнымъ пьянствомъ, братское трапезованіе выродилось въ ссоры и драки, даже съ смертоубийствомъ. Случалось это тѣмъ чаще, чѣмъ больше „складочное пиво“ мѣшалось съ казеннымъ виномъ. Для этого же смѣщенія возможность была тѣмъ большей, что „государевъ кабакъ“ обычно бывалъ вблизи церкви²⁾. Еще пѣсня о Васькѣ Буслаевѣ отмѣтила эту близость и эти переходы людей, любившихъ выпить, съ мірского пира въ кабакъ и обратно:

Послышилъ Василька Буслаевичъ
У мужиковъ Новгородскихъ
Канунъ варень, пива ячныя.
Пошелъ Василій со дружиною,
•Пришелъ въ братчину въ Никольщину.
„Не малу мы тебѣ сыль платимъ,
За всяко го брата по пяти рублевъ“.
А за себя Василій даетъ пятьдесятъ рублевъ.
А и тотъ-то староста церковной
Принималъ ихъ въ братчину въ Никольщину.

¹⁾ Объ языческомъ происхожденіи трапезъ см. А. Попова Пиры и братчины (Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи издаваемый Н. Калачевымъ, книги II-ой половина 2-ая (М. 1854). 39—41. Ср. Папковъ А. А., О братчинахъ или складочныхъ пирахъ (Богословскій Вѣстникъ, 1897, I. 382 и д.). Богословскій М. М., Земское самоуправление на русскомъ съверѣ въ XVII в., I, 204; II, 22, 23.

²⁾ Богословскій М. М., о. с., II, 22.

А и зачали они тутъ канунъ варенъ пить.
 А и тѣ-то пива ячныя.
 Молодой Василій, сынъ Буслаевичъ,
 Бросился на царевъ кабакъ
 Со своею дружиною хороброю.
 Напились они туто зелена вина
 И пришли во братщину, въ Никольщину.

Въ результатѣ „ребята“ стали сначала бороться между собою, а потомъ у нихъ пошла драка съ новгородцами:

„Отъ того бою отъ кулачнаго
 Началася драка великая“.

Василькины „удалы добры молодцы“

Прибили уже много до смерти,
 Вдвоемъ, втрое перековеркали,
 Руки, ноги переломали“ ¹⁾.

Какъ разъ подобный случай смѣшенія приходского пива съ казеннымъ зеленымъ виномъ зарегистрированъ въ печатаемомъ ниже документѣ,—случай, и послужившій поводомъ къ окончательному запрещенію, по крайней мѣрѣ въ архангельской епархіи, распитія складочныхъ пивъ въ церковныхъ трапезахъ.

Безпорядки въ церковныхъ трапезахъ давно уже беспокоили духовную власть, недовольную тѣмъ, что міряне, се-куляризовавъ, такъ сказать, эту часть храма, сдѣлали ее центромъ своей приходско-волостной жизни и превратили не только въ съѣзжую избу, но и чуть не въ питейный домъ. Въ церковной трапезѣ, по своимъ размѣрамъ равнявшейся самой церкви съ алтаремъ ²⁾ и снабженной лавками и столами, происходили сходки по дѣламъ не только приходскимъ, но и мірскимъ, земскимъ и государевымъ. Въ ней отправлялось правосудіе, дѣлались сообщенія („вѣсти“ и „явки“) обо всемъ, что имѣло общественный интересъ и что происходило въ волости или за предѣлами ея. Трапеза была мѣстомъ храненія волостной казны и государевыхъ и єпископскихъ грамотъ, которая въ ней же и объявлялись. Прихожане тѣмъ свободнѣе чувствовали себя въ трапезѣ, что

¹⁾ Древнія россійскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ. М. 1818 г., стр. 76, 77.

²⁾ Рус. ист. библіотека, XII, 523.

на нее, какъ и на самый храмъ, смотрѣли какъ на свою собственность. Доходило до того, что они не стѣснялись отправлять въ ней свои мірскія дѣла—со всѣмъ свойственнымъ народнымъ сходкамъ шумомъ, гвалтомъ и крикомъ—въ то самое время, когда въ храмѣ шло богослуженіе. Вотъ что писалъ царю около 1652 г. заѣзной староста—діаконъ никольской церкви черевковской волости устюжскаго уѣзда Артемій, рисуя положеніе вещей не только въ этой волости, но и по всему устюжскому уѣзду: „когда во святыхъ Божіихъ церквахъ поютъ вечерню, или заутреню, и молебны, и часы, и святую литургію, и въ то время въ трапезѣ за столами сидять суды и цѣловальники, и денежные зборщики съ дьячками, берутъ всякие государевы доходы, дань и оброкъ, и многожды бываетъ во время святыхъ литургіи и шумъ и крикъ великий, земскіе судейки суды судять и всякие совѣты совѣтуютъ мірскія, и приставы на правеже держать крестьянъ, правять и въ колоду садять всякихъ пленныхъ людей, а колода устроена въ трапезѣ“. Случалось иногда, что „во время божественнаго пѣнія и приходятъ въ трапезу и въ церковь кабацкіе цѣловальники и съ приставами и съ кабацкими ярышками, имаютъ всякихъ чиновъ людей въ напойныхъ деньгахъ, и люди смятутца въ церкви и въ трапезѣ—бываетъ въ то время у нихъ шумъ и крикъ великий, что церковнаго пѣнія не слышить“¹⁾). Зло приняло такие размѣры и такъ укоренилось, что съ нимъ не могло покончить даже вызванное члобитной діак. Артемія строгое, подъ угрозой ссылки въ сибирскіе дальние города, запрещеніе подобныхъ безчиній со стороны государя. По крайней мѣрѣ тридцать лѣтъ спустя (въ 1683 г.) великоустюжскому епископу Геласію пришлось вновь обратить вниманіе на злоупотребленіе прихожанъ церковными трапезами, причемъ онъ попытался совсѣмъ освободить послѣднія отъ служенія мірскимъ цѣлямъ. Владыка распорядился, чтобы, „приходя приходцкіе люди къ церквамъ Божіимъ и въ церковныхъ трапезахъ, всякихъ чиновъ люди для всякихъ своихъ земскихъ и мірскихъ дѣлъ сходовъ не чинили, и межъ

¹⁾ Веселовскій С. Б., Нѣсколько документовъ Московскаго главнаго архива Министерства иностранныхъ дѣлъ (М. 1907), 3—5 (изъ 220 книги Чтеній Московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ).

собою великия раздоры и мятежи и неподобныя матерныя браны и бои не были¹⁾). Рѣчь шла о переносѣ мірскихъ сходокъ и обсужденія житейскихъ дѣлъ изъ трапезъ и церквей въ другія мѣста, и фактически это было возможно и легко, потому что еще въ началѣ XVII в. кое-гдѣ уже были особыя земскія или „схожія“ избы²⁾). На этотъ путь направляли и духовныя власти. Въ соцѣдней съ устюжской холмогорской епархіи архіеп. Аѳанасій какъ разъ въ это самое время (1682—1702) указывалъ, что нужно строить земскія избы, и опредѣлялъ минимальное разстояніе, въ какомъ онѣ должны находиться отъ храмовъ (20—25 саж.)³⁾. Труднѣе было прихожанамъ отступиться отъ трапезъ, какъ мѣсть сходокъ по земскимъ дѣламъ, по соображеніямъ принципіального характера, въ виду вѣковой привычки собираться тамъ и убѣжденія, что трапеза и церковь—мірское строеніе. Но конецъ XVII в. и начало XVIII-го, эпоха Петра вел., были временемъ, когда и свѣтское правительство и духовное ополчились на автономію прихода, на право выбора духовенства и церковныхъ старостъ и на другія привилегіи мірянъ. Расшатавъ или даже совсѣмъ уничтоживъ, многія изъ нихъ, легко уже было выселить изъ церквей мірскія сходки.

Но не такъ легко было заставить прихожанъ откашаться отъ трапезъ, какъ мѣста совершенія братчинъ и другихъ пировъ, связанныхъ съ церковными обычаями, ибо они имѣли и давность большую и часто поддерживались низшимъ духовенствомъ, лично въ томъ заинтересованнымъ. Черевковскій діаконъ Артемій свидѣтельствуетъ, что безчиніе въ трапезахъ умножалось въ праздничные дни, когда тамъ пили пиво и происходили брань и драки въ церкви. На всѣ запрещенія „такого нечестія“ со стороны священника и діакона крестьяне одно твердили: „у насъ де то издавна зачалось,

¹⁾ Р. И. Б. XII, 567—568.

²⁾ Богословскій М. М., о. с., I. 205. Островская М., Древне-русскій сѣверный міръ, 7 (Архангельскъ, 1912,—оттискъ изъ Извѣстій Архангельскаго общества изученія русскаго сѣвера за 1912. № 3).

³⁾ Верюжскій В., Аѳанасій, архіепископъ холмогорскій, его жизнь и труды въ связи съ исторіей холмогорской епархіи за первыя 20 лѣтъ существованія и вообще русской церкви въ концѣ XVII в. (СПБ. 1908), 245.

были де прежде попы и лутче васъ, а намъ про то не запрещали, сами съ нами пили и нась благословляли“.

Яркую бытовую картинку такихъ „благословленныхъ“ попами пировъ-братчинъ даетъ та-же члобитная: „Да у нихъ же бываетъ по Владычнымъ праздникамъ или въ которой волости храмъ святому, и крестьяна варятъ пива на поварнѣ, и привозятъ къ праздничной вечерни бочекъ по десяти и болши, и ставятъ бочки въ трапезу, нацѣдять пива въ суды и приносятъ въ церьковь, и поставятъ на столъ передъ Владычнимъ образомъ или Пречистыя Богородицы или которой во имя храмъ празникъ, отпоютъ святую литоргію и надъ кануномъ, и крестьяна соберутца въ трапезу пива пити и напьютца до пьяна; и бываетъ отъ пьяныхъ шумъ великий и брань неподобная и срамословіе у нихъ между собою о пивѣ драка и шумъ и вопль и срамословіять всяkie словеса бестыдно“. Пользовались прихожане трапезами и для поминаній и свадѣб и даже какъ будто для „вспрыскиванія“ продажи—купли. „А когда они крестьяна родителей поминаютъ—докладывалъ тотъ же діаконъ—и приносятъ въ церковь къ панаходѣ пивной канунъ и ставятъ въ рядъ съ кутією, да приходитъ въ торгъ продавать заицы давленыя, а по мясоѣдамъ свадѣбы играютъ, луцица (случается) противъ среды и пятка, а пріѣзжаютъ къ вѣнчанію ввечеру поздно среди нощи, а послѣ вѣнчанія продолжитца столъ и питіе до заутренняго пѣння“. Такимъ образомъ, церковныя трапезы превращались въ городскіе рестораны или залы для поминальныхъ обѣдовъ и свадебныхъ ужиновъ. Мало того. Діаконъ Артемій констатировалъ и „иное безчиніе“ въ нихъ: „послѣ Рожества Христова и до Крещенія послѣ вечерни младые люди въ трапезахъ играютъ всякими играми и кощунаютъ, всякое словеса бестыдно говорять“, причемъ на замѣчанія по этому поводу такъ оправдываются: „церковь де и трапеза — строеніе наше, какъ де хотимъ, такъ и играемъ¹⁾.

Царскимъ указомъ, вызваннымъ члобитной Артемія, были осуждены всѣ виды „безчинія“, на которые жаловался послѣдній. Но если, несмотря на то, остались въ силѣ тѣ изъ нихъ, въ поддержаніи которыхъ не было заинтересовано

¹⁾ Веселовскій С. В., ibid.

приходское духовенство, то тѣмъ менѣе можно было ожидать прекращенія пирушекъ въ церковныхъ стѣнахъ: батюшки въ большинствѣ случаевъ сами любили выпить не менѣе своихъ словесныхъ овецъ и при этомъ, вѣроятно, получали немалую долю „пивного кануна“ и съѣстныхъ припасовъ, помимо поминальной кутьи. Вотъ почему еп. Геласій въ 1683 г. въ заботахъ о „церковномъ устроеніи“ пытался не только выселить изъ трапезъ мірскія сходки, но и пиршства. Онъ долженъ былъ распорядиться, чтобы прихожане „по праздникамъ молебныхъ пивъ въ церковь не носили бы и въ трапезѣ не пили бы“ ¹⁾.

Отъ выселяемыхъ изъ храмовъ братчинъ страдали не только церковное благочиніе, но и церковная казна. Оказывается, часть церковнаго достоянія шла на варку сборнаго пива. Драгоценная для нась чelобитная діак. Артемія относительно этого даетъ такое показаніе. „А на всякой годъ на Владычные храмовые праздники варятъ пивъ по двѣнадцети и больше, солодъ збираютъ миромъ, а хмель купятъ на церковные деньги. А во многихъ, государь, церквахъ скудно книгами и иными потребами, нечемъ воску купить на свѣчи и чимъ яну и пшеницы на просвиры, во многихъ церквахъ просвиры приносять на жертвеннікъ ржаные; о отъ того проторю многіе церкви оскудѣли. Досталную церковную казну земскія суды и цѣловальники въ міръ розняли займами въ кабалы (т. е. подъ росписки), а платить по кабаламъ тѣхъ церковныхъ денегъ мірскіе люди и не думаютъ: „церковь де наша и строеніе наше и казна наша“.

Изъ этого свидѣтельства видно, что существование братчинъ въ томъ, по крайней мѣрѣ, видѣ, какой онъ имѣлъ на сѣверѣ Россіи въ XVII в., было тѣсно связано съ самостоятельностью прихода, его независимостью отъ центральной власти, и правами на храмъ и на все его хозяйство. Естественно потому, что достигнуть успѣха въ попыткѣ—не уничтоженія братчинъ, а хотя бы удаленія ихъ изъ трапезъ—можно было лишь послѣ того, какъ расщатана будетъ автономія приходовъ, что случилось только при Петрѣ вел. ²⁾. Но брат-

¹⁾ Р. И. Б. XII, 567—568.

²⁾ См. у г. Верюжского, о. с., гл. VI (стр. 187 и д.). исторію отговеній къ приходской автономіи архіеп. Аѳазасія архангельскаго.

чины и послѣ того продолжали существовать, а одинъ документъ 1708 г. позволяетъ думать, что онъ все еще не порвали тогда съ храмомъ. Приговоръ главной ратуши объ осмотрѣ и описи на съверѣ Россіи винокуреныхъ котловъ, трубъ и всякой винокуренной посуды предполагаетъ наличность ея между прочимъ въ приходскихъ церквяхъ у церковныхъ прикащикоў (старость) и повелѣваетъ взять ее за деньги, а найденные тамъ же пивоваренные котлы—оставить¹⁾. Очевидно, приготовленіе братскаго, въ складчину, пива и именно подъ покровомъ церкви не запрецалось; запрещено было только цѣдить вино, что, значитъ, вошло уже въ практику нѣкоторыхъ, если не всѣхъ, братчинъ...

Рѣшительная попытка порвать давнюю связь между братчинами и храмами сдѣлана въ 1750 г. въ архангельской епархіи. Найденный вами и ниже печатаемый документъ свидѣтельствуетъ, что въ данной епархіи было еще общимъ обычаемъ собираться прихожанамъ при церкви, въ трапезахъ и папертяхъ, привозить съ собою пиво, напиваться до пьяна, ссориться и драться между собою. Одна такая братчина кончилась столь сильнымъ пораненіемъ священника, что онъ чрезъ мѣсяцъ отдалъ Богу душу. Этотъ то случай и послужилъ для епархиального начальства поводомъ къ повсемѣстному запрещенію распитія пива въ трапезахъ. Возможно, что въ этотъ разъ и удалось вытѣснить братчина изъ трапезъ, тѣмъ болѣе, что первыя потеряли уже давно свой религіозный характеръ, и на самыя трапезы прихожане смотрѣли какъ на простой домъ или какъ на царевъ кабакъ, куда, по примѣру Васьки Буслаева, совершали прогулки въ время братскаго пира, чтобы скорѣе и сильнѣе опьянѣть.

Братчина, по удаленіи изъ трапезъ, на съверѣ Россіи не прекратили своего существованія²⁾. Но теперь онъ должны были потерять церковное значеніе и религіозную санкцію, хотя, конечно, и продолжали посѣщаться духовенствомъ.

¹⁾ П. С. З. IV, № 2204. Въ юго-западной Россіи принадлежности для приготовленія братскаго сыченаго меда хранились въ школѣ, какъ тамъ же иногда происходили распитіе его и продажа остатковъ (И. И. Огіенко, Брусиловское церковное братство и его культурно-просвѣтительная дѣятельность (Екатеринославъ. 1914), 8. 22, 23).

²⁾ Тамъ по мѣстамъ онъ и доселе живы (Попозъ А., о. с., 34. #1. Богословскій М. М., I, 204).

Какъ разъ для средины XVIII ст. сохранилось свидѣтельство М. В. Ломоносова, тѣмъ болѣе цѣнное, что онъ былъ свѣроятно, дающее видѣть, что священники нацii не отказывались отъ участія во всякихъ семейныхъ торжествахъ своихъ прихожанъ, гдѣ пахло выпивкой. Въ запискѣ объ обязанностяхъ духовенства Ломоносовъ противопоставляетъ германскимъ пасторамъ нашихъ священниковъ: тѣ не ходятъ никуда на обѣды по крестьянамъ, родинамъ, свадьбамъ и похоронамъ, а наши попы при всякой пирушки по городамъ и селамъ первые пьяницы¹⁾... Въ виду этого и присутствію духовенства на братчинахъ, вѣтра пѣтии едва ли уже придавался идейный смыслъ, особенно послѣ того, какъ епархиальная власть пригрозила священникамъ всякими прещеніями за допущеніе пирующихъ въ стѣны храмовъ.

Приводимый ниже указъ архіеп. Варсонофія, представляя собою видное звено въ цѣпи мѣропріятій правительства, ограничивавшихъ пьянство, насколько оно прикрывалось автономіей прихода, пополняетъ собою скучную вообще свѣдѣнія наши о судьбѣ такого исконнаго русскаго института, какъ братчина. Насколько судьба его въ послѣднія два столѣтія слабо освѣщена историческими показаніями, видно изъ того, напр., что новѣйшій бiографъ первого холмогорскаго архіерея, В. Верюжскій, детально изучившій архангельскія церковныя отношенія въ концѣ XVII — началѣ XVIII ст., совершенно не зналъ, пережили ли братчины архіеп. Аѳанасія: этотъ авторъ такъ выражается, что онѣ, „какъ кажется, еще существовали во времена Аѳанасія“, но что онѣ должны были исчезнуть, какъ не гармонировавшія съ общимъ направленіемъ, какое приняла при немъ приходская жизнь, въ частности не мирившіяся съ контролемъ церковныхъ суммъ²⁾.

Имѣть данный документъ и частное значеніе—для истории тарнянского прихода шаргородского уѣзда архангельской епархіи. Тарнянскій городокъ, гдѣ совершилась драма, приведшая къ изгнанію изъ церковныхъ трапезъ братскихъ пировъ, по Краткому историческому описанію приходовъ и

¹⁾ Лѣтописи русской литературы и древности Н. С. Тихонравова, I. отд. Ш, 197.

²⁾ В. Верюжскій, о. с., 245—246.

церквей архангельской епархії, II, 35 (Архангельскъ. 1895), представляется самостоятельнымъ только съ 1820 г., съ 1421-го же года входившимъ въ составъсосѣдняго райбальскаго прихода, хотя и имѣлъ свои храмы: каменный съ 1818 г. и деревянный Ильинскій съ 1785 г. Судя по данному документу, въ Тарнянскомъ городкѣ была церковь еще въ 1748—1750 г. и именно ильинская: 20 іюля тамъ пили рожковое пиво... Впрочемъ, изъ напечатанныхъ еще въ 1892 и 1894 г.г. Актовъ холмогорской и устюжской епархіи (I. II) стало известно, что церковь была въ Тарнянскомъ городкѣ еще въ 1601 г.¹⁾.

Печатаемый нами указъ извлеченъ изъ Сборника копій съ указовъ по архангельской епархіи Императорской публичной библіотеки II, F, 191, л. 6, и издается съ измѣненіемъ орографіи и интерпункціи.

К. Харламповичъ.

Указъ ея императорскаго величества самодержицы всероссійскія изъ шенкурскаго духовнаго правленія подвинской четверти вершинской волости попу Іакову Иванову съ причетники и съ прихожаны. Сего апрѣля 11 числа въ указъ ея императорскаго величества изъ консисторіи преосвященнѣйшаго Варсонофія, архіепископа архангелогородскаго и холмогорскаго, во оное духовное правленіе написано: Митрополита де 1749 года августа 31 дня въ присланной въ консисторію преосвященнѣйшаго архіепископа изъ важеской воеводской канцеляріи промеморіи написано: по слѣдственному въ реченой воеводской канцеляріи дѣлу оказалось: въ прошломъ 748 году іюля 20 числа кокшенской четверти шевденицкой волости крестьянинъ Семенъ Ульяновскій, будучи въ Тарнянскомъ городкѣ и послѣ обѣдни пивши при церкви въ папертѣ сборное съ крестьянъ пиво и потомъ пивши въ кабакѣ и паки пришедши въ папертъ съ прочими крестьянами, гдѣ и священникъ оной волости Ларионъ Ивановъ находился жъ для питья оставшаго пива, и, на-

¹⁾ Г. II. Б. XII и XIV —по указателю.

пившись, оной Ульяновской пьянь покорился ¹⁾ съ крестьяниномъ Пѣшковымъ, за что ихъ оной священникъ изъ паперти выслалъ, и, вышедъ на имѣющійся при церкви рундукъ, оной же Ульяновской съ другимъ крестьяниномъ Петромъ Поповымъ банился и дрался, отчего показанной священникъ объявленнаго Семена разговаривалъ, чтобы напрасно онаго крестьянина Чопова не обижаль и не банился, и противъ тѣхъ словъ оной Семенъ Ульяновской въ пьянствѣ, безъ умыслу и безъ всякой ссоры, вышеписаннаго священника, схватя за волосы, съ того церковнаго рундука, на которомъ стояли, по лѣстницѣ бросилъ, послѣ чего быль боленъ августа по 15 число и того числа умре. А понеже и въ прочихъ епархіи его преосвященства приходѣхъ при церквяхъ, въ трапезахъ и папертяхъ, такожъ прихожане сбираются, привозятъ съ собою пива, которыми напиваются допьяна, и между тѣмъ бываютъ ссоры и драки, что правиломъ святымъ велѣно противно, того ради по ея императорскаго величества указу и по опредѣленію преосвященнѣйшаго Варсонофія, архієпископа архангелогородскаго и холмогорскаго, велѣно отныне въ епархіи его преосвященства во всѣхъ приходѣхъ при церквяхъ святыхъ, въ трапезахъ и папертяхъ и въ оградѣхъ церковныхъ, вышеподобныхъ питетъ не чинить и для оныхъ людскихъ скоповъ не имѣть, дабы въ пьянствѣ ссоръ, дракъ и прочихъ продержостей при церквяхъ святыхъ, какъ въ ономъ Тарненскомъ городкѣ учинилось, отнюдь впредь не происходило, и попамъ съ причетники въ своихъ приходахъ къ тому никого не допускать подъ неотмѣннымъ за преступленіе истязаніемъ и лишеніемъ чиновъ своихъ, чего закашникамъ надзирать въ каждомъ заказѣ и десятскимъ попамъ накрѣпко, и о томъ во всѣ заказы и къ десятскимъ попамъ, кои не подъ заказами, а изъ заказовъ, и отъ десятскихъ ко всѣмъ сельскимъ приходскимъ попамъ съ причетники и прихожаны послать указы. И того жъ числа по резолюціи шенкурскаго духовнаго правленія велѣно о вышеписанномъ для непремѣннаго исполненія въ шенкурской соборѣ, шенкурской и подвинской четвертей во всѣ приходы и попамъ съ причетниками и съ прихожаны послать указы, о чемъ сей къ вамъ

¹⁾ Поскорился.

и посланъ къ попу Иванову съ причетники и съ прихожаны. Чинить о томъ по сему ея императорскаго величества указу, а о получениі сего указа рапортовать въ оное правлениe въ указанной по генеральному регламенту срокъ. На подлинномъ писано (тако): Закашникъ протопопъ Михаилъ. Подъячий Николай Подосеновъ. Апрѣля 27 дня 1750 году.
